

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Н.Д. Руцкий

Вопрос об онтологизме русской философии весьма важен, т.к. он показывает неосновательность того мнения, согласно которому русская философия еще не достигла зрелости, так как в ней недостаточно разрабатываются вопросы теории познания. Если уж нужно давать какие-

либо общие характеристики русской философии, - что само по себе никогда не может претендовать на точность и полноту, - то я бы на первый план выдвинул *антропоцентризм* русских философских исканий. Русская философия *не теоцентрична*, не космоцентрична, - она больше всего занята *темой о человеке*, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории. Прежде всего это сказывается в том, насколько всюду доминирует *моральная установка*: здесь лежит один из самых действенных и творческих истоков русского философствования. Тот "панморализм", который в своих философских сочинениях выразил с исключительной силой Лев Толстой, - с известным правом, с известными ограничениями может быть найден почти у всех русских мыслителей, - даже у тех, у которых нет произведений, прямым образом посвященных вопросам морали. С этим связано и напряженное внимание к *социальной* проблеме, но ярче всего это обнаруживается в чрезвычайном, репающем внимании к проблемам *историософии*. Русская мысль *столь историософична*, она постоянно обращена к вопросам о "смысле" истории, конце истории и т. п. Эсхатологические концепции XVI-го века перекликаются с утопиями XIX-го века, с историософскими размышлениями самых различных мыслителей. Это исключительное, можно сказать, чрезмерное внимание к философии истории, конечно, не случайно и, очевидно, коренится в тех духовных установках, которые исходят от русского прошлого, от общенациональных особенностей "русской души". Нельзя тут же не отметить, что это обстоятельство было не особенно благоприятно для развития "чистой" философии в России, - интерес к вопросам философии истории ставит мысль перед самым сложным, запутанным и трудным материалом. С другой стороны, именно в историософии так легко проявляет свое действие так называемый "субъективный метод", в анализ исторической действительности привносится оценочный момент. При малейшей неосторожности получается привнесение в философское творчество некоей внутренней цензуры, отбрасывающей то, что представляется "опасным" в прикладной сфере, что может "оправдать" те или другие "вредные" течения в общественной жизни. Эта внутренняя цензура, конечно, подавляет свободные философские искания и создает опаснейшее приспособление теоретических построений к "злобе дня". На всем протяжении философской работы в России - от ее зачатков в конце XVIII-го века до наших дней - эта опасность не раз давала о себе знать, но было бы большой поверхностностью, отмечая недостойное философии "приспособление" к современности, не заметить во всем этом и более глубокой стороны. В антропоцентризме мысли есть один очень глубокий мотив - невозможность "разделять" теоретическую и практическую сферу. Очень удачно выразил это Н. К. Михайловский, когда обращал внимание на своеобразие русского слова "правда". В неразрывности теории и практики, отвлеченной мысли и жизни, иначе говоря, в идеале "целостности" заключается, действительно, одно из главных вдохновений русской философской мысли. Антропоцентричность русской философии постоянно устремляет ее к раскрытию данной и заданной нам целостности.